

## ВКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРИЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В. В. МАДОЯН

В ряду революционных преобразований лингвистики 20 века методология занимает осовое место, ибо благодаря ей резко повысилась объективность и научная достоверность языковедческих исследований. Однако движение к теоретической точности фундаментальных наук требует однозначного определения всех языковых фактов в любом контексте описания и их однозначной систематизации, - проблема, еще требующая своего решения, почему и по-прежнему актуален поиск новых принципов и приемов проникновения дальше вглубь языковой природы.

В современной лингвистике единица анализа рассматривается в совокупности своих признаков, которые выявляются по принципу оппозиции, дифференцированности и т.д., причем сам набор признаков и принципы их выделения варьируют у представителей разных школ и направлений (ср. описание фонетической системы русского языка у Н. С. Трубецкого, с одной стороны, Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова – с другой, аналитические принципы структуралистов и компаративистов и т.п.).

Такое положение вещей свидетельствует о том, что язык никогда не описывается таким, как он есть (в системе ли, в структуре ли). Утверждения подобного характера – рекламные фикции. Всякое явление (социальное или физическое) описывается в рамках сложившихся научных традиций или на их основе в соответствии с развитием науки. Язык же есть многосторонняя сущность, которая может быть по-разному представлена (воспринята, понята, систематизирована...), и, к сожалению, ни одно представление (описание) языка пока не охватывает его полностью. Об этом свидетельствует хотя бы факт невозможности овладения иноязычной речью по существующим учебникам и учебным пособиям. Ввиду этого языкознание может развиваться через разработку приемов, способствующих более точному определению языковых единиц при анализе любого методологического содержания – в синхронии и перспективе.<sup>1</sup> Так, современная лингвистика признает правильным критику принципов деления слов на части речи, но продолжает осуществлять такое деление в традиционном порядке, поскольку нет более конструктивных предложений. Выдвинутый школой Ф. Ф. Фортунатова формальный подход не нашел применения, поскольку был более сложным и менее систематизированным.

Определим сущность предлагаемого приема и установим его адекватность требованиям научного анализа.

---

<sup>1</sup> И. С. Удуханов, Единицы словообразовательной системы русского языка, М., 1996.

Решить задачу – найти прием, ведущий вглубь языковой структуры, – значит, использовать при описании языковых фактов новые, не используемые в настоящее время факторы. И поскольку последние должны обладать признаком информативности, т.е. давать об анализируемом определенную информацию, в качестве таковых предлагается использование характеристик (не только дифференциальных признаков) родственных единиц (того же или смежного уровня языка), т.е. включение представляется как прием лингвистического анализа, предполагающий учет для описания, классификации и систематизации языковых единиц признаков родственных субстанций, в том числе с наложением классификаций, моделей и т.д., поэтому этот прием целесообразнее использовать не столько для описания факта как такового, сколько для его уточнения в оппозиции: для установления его равенства/неравенства самому себе, другим фактам и т.д. Функция включения больше дифференцирующая, дистриктивная. Допустимость приема включения зиждется на идее о том, что любой языковой факт характеризуется как в синтагматике, так и в парадигматике. Например, семантическое поле любого слова можно определить не только в контексте, но и через значения родственных образований (см. ниже). Речь идет о нарушении сложившейся традиции оценивать языковые факты исключительно в рамках одного уровня. Исходя из по-разному трактуемой, но явно существующей системы (системности) языка, можно предположить, что природа неоднозначно определяемых на одном уровне лингвистических знаков может быть уточнена на других уровнях, не связанных с данным знаком напрямую. При таком подходе слово – фонема – морфема – словоформа – синтаксема – словосочетание – предложение – текст предстают не как единицы разных разделов науки о языке, а как взаимообусловленные факты, каждый из которых может характеризоваться не только на своем уровне изучения, но и (обязательно/факультативно) на уровне соседних в данной цепочке единиц.

Естественно, признаки родственных единиц неоднородны и определение приема требует установления условий его применения.

Коль скоро речь идет о характеристике одних языковых субстанций с помощью других, следует зафиксировать степень их родства или различия.

Связь языковых фактов в рассматриваемом аспекте может быть двух типов.

Каждая языковая единица мотивирует или мотивирована одной какой-либо родственной единицей. Эту прямую мотивацию назовем шагом. Например: *род* – *родство* в русск., *play* – *player* – в англ., *sehen-sehend* в немецк., *զրիշ-զրիշ* в армянск. и др. имеют прямую мотивацию одного члена пары другим, поэтому степень их родства определяется одним шагом, кстати, как и степень различия. В то же время *род* – *родственный* в русск., *sehen – der/die Sehende* в немецк. находятся в отношении друг друга в родстве через два шага: условно в родстве второй степени, что и следует учесть при использовании их признаков в характеристике корневых слов.

Введение степеней родства обусловлено тем, что каждый шаг, как правило, отдаляет родственные образования друг от друга. Ср. значения слов *бежать* – *бега* – *беговой* по словарю С. И. Ожегова:<sup>2</sup>

<sup>2</sup> С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1953.

**БЕЖАТЬ** 1. Двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом. 2. *перен.* Быстро двигаться, проходить, течь. 3. также *сов.* Спастись (спастись) бегством.

**БЕГА** 1. Состязания, гонки лошадей на ипподроме. 2. Состояние беглого, убежавшего, находящегося в неизвестной отлучке (устар.).

**БЕГОВОЙ**. Служащий для состязания в беге, овсуживающий бега (в 1 знач.).

Грамматические категории родственных слов, в отличие от их семантики, оказываются взаимообусловленными гораздо строже. Так, в немецком языке непереходность глагола, спрягающегося с *haben*, свидетельствует о невозможности употребления одной из его форм, Part. 2, в качестве самостоятельного слова. В русском языке сущ. м. и ср. р. с суффиксом *-ищ-* имеют окончание *-е*, они образованы от существительных м. и ср. р.. Существительные же ж. р. имеют окончание *-я*, они мотивированы существительными ж. р.. Ср.: *дом* – *домище*, *волк* – *волчище*, *село* – *селище*, но *вода* – *волища*, *книга* – *книжища*.

Поскольку включение предполагает также взаимосвязь и взаимообусловленность единиц разных языковых уровней: фонемы – морфемы – словоформы и т.д., в этом ряду в качестве шага можно принять переход от единицы одного уровня к единице следующего уровня, однако вновь с учетом степени сходства/различия. Так, оппозиция категории вида в русском языке в словах типа *информировать*, *инвестировать*, *инспектировать*, *инструктировать*, *инкриминировать* и др. в неопределенной форме нейтрализуется и выявляется только в предложении (в контексте) – через один шаг, поэтому эти слова можно определить и как двувидовые, и как с нейтрализацией оппозиции по виду:

- *информировать* (что делать? что сделать?) *о победе*, но

*Он информировал* (что сделал?) *начальство о крушении поезда и теперь ждал новых известий*.

- *инвестировать* (что делать? что сделать?) *что-либо*, но

*Банк инвестировал* (что делал?) *строительство новых домов, больниц, особенно – электростанций, которые покрывали затраты уже в течение 2-3 лет*.

Использование признаков разных шагов само собою определяет их иерархию: приоритет признаков одного шага перед признаками последующего.

Так, если для определения значений слова *знать* использовать семы слов *знатный* и *знатность*, естественно, в первую очередь следует учесть категориальные свойства прилагательного, а лишь затем – образованного от него существительного.

В то же время между признаками родственных единиц, с одной стороны, и признаками единиц разных уровней – с другой, привлеченных к характеристике того или иного языкового факта, следует установить соответствующую иерархию. Например, что важнее для описания фонемы [д]: то, что это фактически [т], но звонкая, или то, что эти фонемы различают звуковую оболочку корней *-дом-* и *-том-*?

Постановка вопроса о введении нового приема анализа требует доказательства его возможности и достаточной объективности.

Возможность приема в лингвистике может быть доказана применением его в анализе одного какого-либо языкового факта, уже достаточно объек-

тивно и однозначно описанного иным, определенным, уже апробированным (овщепринятым) приемом. Прежде чем провести такой параллельный анализ, следует отметить, что включение уже применялось в лингвистических исследованиях, но в отдельных фрагментах, без определения его как исследовательского правила.

В фонетике современного русского литературного языка существуют два подхода к проблеме определения фонемы и ее вариантов: подходы ленинградской и московской фонологических школ. Ленинградская школа (Л. В. Щерва, Л. В. Зиндер и др.) справедливо считает, что на фонетическом уровне [ъ], [ь] и др. – отдельные фонемы, а не варианты какой-либо иной фонемы, поскольку они имеют разное качество, а потому – и звучание. Московская фонологическая школа не менее справедливо классифицирует указанные звуки как варианты одной фонемы, [а] или [о], поскольку они не обладают дистрибутивной функцией. В действительности ни один из подходов не соответствует принятым в теории базовым определениям: варианты единицы – ее фоновые искажения – при сохранении существенных характеристик; отдельная фонема – единица с конститутивной и дистрибутивной функциями. Р. И. Аванесов решил вопрос при помощи включения в анализ этих единиц их функциональных характеристик на уровне морфемы. И здесь реально определение указанных звуков как вариантов [а], [о].

Выдвинутый Н. Хомским трансформационный метод объясняет (уточняет) смысл одного предложения путем его сопоставления со смыслом другого предложения, т. е. теоретические рассуждения осуществляются включением однородных единиц. Вся разница между предлагаемым методом и приведенными примерами заключается в том, что нами в анализ включаются единицы смежных уровней, а это, как уже отмечалось, является шагом вглубь языковой сущности.

Прием включения не предполагает введения каких-либо особых понятий и категорий, поскольку, хотя бы в настоящее время, ставится вопрос не создания новой теории описания языка, а вопрос уточнения существующих классификаций, классов, систем.

Для доказательства возможности и объективности включения проведем параллельную семантизацию одних и тех же слов уже апробированным методом и предлагаемым приемом.

Описательная лингвистика определяет семантику слова на основе его употреблений в речи. Ряд предложений из характерных текстов (литературно-художественных, публицистических, газетных) вместе с языковым чутьем исследователя-носителя данного языка позволяет определить объем значений любой лексемы. При таком подходе очень высок фактор субъективности восприятия автора. В силу этого разные словари дают не только разное количество значений к одному и тому же слову, но и разные значения. Ср. семантику слов *государства* и *страна* в "Словаре русского языка" С. И. Ожегова:

**ГОСУДАРСТВО.** Политическая организация общества с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией.

**СТРАНА** 1. То же, что государство. *С. Советов. Капиталистические страны* 2. Местность, территория. *Сибирь – с. неограниченных возможностей*

тей. *С. чудес* (в сказках). *Неведомые страны. Южные страны.*

Когнитивная теория, или теория фреймов предполагает деление значений слов на более мелкие, фреймы, с помощью которых выявляются сходства/различия семантики слов. Например, англ. *shore* и *coast*, обозначающие “берег”, различаются благодаря отношению “границы между сушей и водой, рассматриваемой со стороны водных масс или со стороны суши”<sup>3</sup>. Говоря о постулатах когнитивной теории, Л. Н. Баранов и Д. О. Довровольский пишут: “Обращение к когнитивной теории позволяет поставить в совершенно другой теоретический контекст традиционные проблемы семантики – например, (квази) синонимию и полисемию. В частности, можно выделить два принципиально разных вида квазисинонимии: близкие по значению слова, возводимые к одному фрейму... (*разговор и беседа* – В. М.) и семантически близкие слова из разных фреймов... (*страна и государство* – В. М.)”<sup>4</sup>. По идее авторов, например, *государство* предполагает фрейм *власть*, а *страна* – фрейм – *пространство*. Иначе говоря, *государство* – это политическое объединение под единой властью, а *страна* – это пространство, ограниченное определенными рамками.

В целом же, по словам Ю. Д. Апресяна, семантика лексем устанавливается двумя правилами: “1. Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка... 2. Определяющие значения “ВС” должны быть необходимыми и достаточными для определяемого значения “А” (должны быть перечислены все семантические компоненты А, и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого)”<sup>5</sup>.

Попробуем определить значение слова *государство* методом включения. Используем родственные слова *государь* и *государственный*.

**ГОСУДАРЬ.** Человек, стоящий во главе структуры абсолютной власти населения определенной территории, правитель.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ.** 1. Имеющий отношение к государственным, властным структурам. *Государственный служащий*. 2. Реализующий государственную власть. *Государственный орган управления*. 3. Принадлежащий государству. *Государственное учреждение*. 4. Ограничивающий рамками определенной властной структуры. *Государственная граница*.

Исходя из значения первого слова можно вывести, что *государство* – структура власти населения определенной территории. Второе слово позволяет установить его определенные дифференциальные признаки: *государство* – властная структура населения некоторой определенной территории, реализующая управление через свои органы и владеющая частью национального богатства.

Это – прямое значение слова *государство*. Чтобы показать его несинонимичность *стране*, определим и семантику *страны*. Поскольку она не имеет

<sup>3</sup> Ч. Филмор, Фреймы и семантика понимания (Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, с. 71).

<sup>4</sup> А. Н. Баранов, Д. О. Довровольский, Постулаты когнитивной семантики (РАН, Известия АН. Серия литературы и языка, 1, т. 56, 1997, с. 12).

<sup>5</sup> Ю. Д. Апресян, Избранные труды, т. 1, М., 1995, с. 95.

родственных слов, воспользуемся словосочетаниями с ним:

*страна: богатая* (=государство/местность), *неведомая* (=местность), *неисследованная* (=местность), *африканская* (=государство), *местность лесистая* (=местность), *диких зверей* (=местность), *корейцев* (=местность), *с большим будущим* (=государство/местность) и т.д.

Из материала выясняется, что *страна* – это *местность, территория, ограниченная определенными признаками, в основном, географическими*. Вот почему в корейской стране (Корее) есть два государства, а Российское государство охватывает не одну десятку стран, в том числе и Россию. Но поскольку *государство* ассоциируется с некоторой *территорией*, а *территория* входит в некоторое *государство*, т.е. эти два факта взаимосвязаны по типу “содержание – форма”, в контексте вполне возможно переносное употребление *страны* в функции *государства* по принципу метонимии (ср. *прочитать томик Пушкина, иметь большую аудиторию* и т.д.), т.е. *капиталистические страны* = *капиталистические государства* только тогда, когда *страна* как *местность* характеризуется *типом власти*.

Таким образом, мы получаем аналогичные (или почти аналогичные), за исключением некоторых нюансов, толкования рассматриваемых слов, что может свидетельствовать о научной достаточности приема включения.

Могут ли во время анализа возникнуть противоречия? Ведь, например, армянское գրիչ (“писатель”) включает в себя не только мотивированное прилагательным գրիչ (“пишущий”) значения, но и другие, кстати, ему присущие в первую очередь: 1. *писатель* 2. перен. *клеветник*. В английском языке слово lover образовано от слова love, но первое имеет не только значение “*любитель*”, но и “*любовник*”, а немецкое bekannt “*признанный*” (Part. 2 от bekennen – “*признавать*”) употребляется скорее как прилагательное, нежели как причастие. Возражения здесь могут быть в связи с тем, что прием включения действует практически без ограничений только при двусторонней односторонней действующей связи между родственными единицами – прямой мотивации:

**ВИШНЯ.** Дерево с темно-красными круглыми съедобными плодами не-больших размеров, а также сам плод. *В саду было много вишен, и, когда к концу мая они созревали, с деревьев свисали темно-алые кисти.*

**ВИШНЕВЫЙ** 1. Состоящий из вишен (в том числе - плодов). *Вишневый сад.* 2. Приготовленный из вишни. *Вишневый компот.* 3. Похожий по цвету на вишню, темно-красный. *Вишневая блузка.*

Поскольку в языке основной словарный фонд составлен по словообразовательному принципу, прямая мотивация – наиболее вероятный вариант лексической связи родственных слов. Вместе с тем непрямота мотивации на самом деле чаще оказывается условной. Ср. по С. И. Ожегову:

**ГОЛОС** 1. Звучание, производимое колебанием связок, находящихся в горле. *Липиться голоса...* 2. Одна из двух или нескольких мелодий в музыкальной пьесе, партия в вокальном ансамбле. *Романс для двух голосов.* 3. *перен.* Мнение, высказывание. *Голос читателя.* 4. Право заявлять свое мнение при решении вопросов в государственных, общественных учреждениях, а также само такое выраженное мнение. *Право голоса...*

**ГОЛОСИТЬ** 1. Громко и нараспев причитать, плакать (напр., в народном похоронном обряде). *Г. по покойнику.* 2. *что и без доп.* Громко петь или кричать (прост.). *Г. песню...*

ГОЛОСОВАТЬ. Подавать голос (*за кого-л.*) *Голосовать за единого кандидата.*

Казалось бы, эти однокорейные слова семантически весьма отдалены друг от друга. Однако *голосить* – это совершать определенное действие громко, *голосом*, т.е. *плакать* и *петь голосом*, а *голосовать* первоначально – “выражать свое мнение голосом (на вече)”. Или:

СВЕТ – СВЕТЛЫЙ 1. Достаточно освещенный, 2. Яркий, не темный (о цвете), 3. радостный.

Прямое значение слова *свет* можно вывести из прямого значения слова *светлый*. Остальные значения прилагательного можно опустить, хотя его второе значение обусловлено антонимией *свет-тьма*, *свет-мрак*. Ср. выражения *светлая-темная палъ*, *светлая-мрачная улыбка*. Словосочетания типа *светлая идея*, *светлая голова* – метафорические переносы, связанные с половицей *Ученье – свет, неученье тьма*. В выражениях типа *светлый праздник* рассматриваемое слово приобретает переносное значение в связи с восприятием *света* как символа радости и счастья (ср. из Священного Писания: *Сладох свет, и приятно глазам видеть солнце*). Таким образом, значения мотивированных слов обусловлены значениями (прямыми, реже – переносными) мотивирующих слов и их употреблением, в том числе – в крылатых выражениях. Другое дело – исключение прямой мотивации. Ср. в немецк.: *hervorragen* – выдаваться, выпячиваться, *hervorragend* – выдающийся; в русск.: *живо трепетать* – *животрепещущий* (*актуальный*). При непрямой мотивации мы сталкиваемся с фразеологическими значениями мотивированных образований (по принципу фразеологизмов: значения мотивированных слов не выводятся из значений мотивирующих компонентов). Последние не тождественны системным явлениям, поэтому при исследовании методом включения они должны рассматриваться как исходные. В определенных случаях ими можно пренебречь.

В исследовании грамматических единиц включение предполагает установление позиций (условий) наибольшей дифференцированности языковых фактов. Например, значения словоформ, сами формы и их количество определяются в словосочетании-матрице, обладающей наибольшей синтаксической валентностью. Ср.: *видеть глаза / глазами / в глазах...* При исследовании устойчивых словосочетаний необходима идентификация цельной семантики с семантикой одного слова вне зависимости от количества выражающих компонентов. Например, *высшее учебное заведение* следует классифицировать как одно слово, поскольку это словосочетание называет один грамматический предмет. В таком случае связь типа *высшее учебное заведение* – вуз будет восприниматься как дублирование, а связь *высшее учебное заведение* – *вузовский* как шаг от существительного к прилагательному.

Проиллюстрируем возможности приема включения на примерах единиц разных языковых уровней.

Хотя определение значений слова имеет давние традиции, лингвисты при внимательном рассмотрении проблем семантики находят многочисленные провалы. “Уже сейчас более или менее очевидно, – пишет Ю. Д. Апресян, – что некоторые другие, преимущественно метаязыковые задачи общей лингвистической теории требуют включения в семантический компонент еще некоторых типов семантической информации, в частности информации о семантических ассоциациях, или коннотациях данной единицы и информации

о ее семантических связях с другими содержательными единицами языка<sup>6</sup>. Указанные проблемы связаны не с невнимательностью исследователей: последние используют все правила, существующие в арсенале современной лингвистики. Ср. (толкования даются по словарю С. И. Ожегова):

**БИТЬ** 1. *по кому-чему и кого-что*. Ударять. *Б. молотком*. 2. Ударами производить звуки. *Б. в барабан*. 3. Отмечать ударами, звоном что-н. *Б. тревогу*. 4. Ударяя, причинять воль кому-н. *Б. лошадей*. 5. Разить, наносить поражение. *Б. врага*.

**УДАРЯТЬ** 1. *кого-что по чему или во что*. Нанести удар кому-н., произвести удар обо что-н. *У. прикладом. Током ударило...* 2. *что и во что*. Ударами обозначить что-н., известить о чем-н., а также вообще раздаться (о резком звуке). *У. в барабан*. 3. *па кого-что или по кому-чему*. Напасть, обрушиться ударом. *У. на врага...*

В принципе эти два слова можно было бы назвать в основной своей части значений совпадающими, т.е. синонимами, и переводить *бить* с помощью *ударять* и наоборот. Однако наличие *битый* ≠ *ударный* заставляет искать семантическое различие в основных значениях корневых глаголов. Ср.: *Гришка Распутин, неоднократно битый (не ударный!) батогами за буйное пьянство, был сослан на поселение в Сибирь*. И семантическое различие проявляется без особых затруднений, поскольку *битый* – тот, которого ударили не один раз. Ср.: *Отец бил его один раз. – Отец ударил его один раз* (последнее тождественно: *Отец ударил его*). Иначе говоря, *бить* – *наносить поборы*, а *ударять* – *наносить удары*.

Уточнение семантики слова – это движение к научной четкости в определении связанных с ней факторов.

Синонимия – уже давно не свежая тема. Общепринято, что синонимы – слова, тождественные или близкие по значению (отличаются оттенками значений или стилистической окраской). Для установления синонимичных лексем используются как толкования, так и контекст. Обычно считается, что синонимы должны быть взаимозаменяемы в контексте, однако этот признак не обязателен. Вот два синонимичных слова: *безопасный* – *безвредный*, взятые из словаря синонимов русского языка<sup>7</sup>. Определим по С. И. Ожегову их толкования.

**БЕЗОПАСНЫЙ**. Не угрожающий опасностью.

**БЕЗВРЕДНЫЙ**. Не причиняющий вреда.

О том, что эти слова – не синонимы, свидетельствует и наличие выражений типа *безопасная врифта*, *безопасное мероприятие* при отсутствии *безвредной врифты* и *безвредного мероприятия*. Однако синонимичность/несинонимичность их можно установить не только включением адекватных оппозиций, но и гораздо проще: сравнением семантик слов *безопасность* и *безвредность*, которые никак не могут считаться синонимами (ср.: *безопасность государства* – *безвредность газа*; в первом словосочетании рассматриваемое слово характеризуется “страдательностью”, т.е. о безопасности государства говорят не тогда, когда оно безопасно (для других), а когда ему обеспечена, в том числе им самим, безопасность). Во втором случае *безвредность* “актив-

<sup>6</sup> Ю. Д. Апресян, Избранные труды, т. 2, М., 1995, с. 28.

<sup>7</sup> З. Е. Александрова, Словарь синонимов русского языка, М., 1969.

на", т.е. безвредность обеспечивает другим газ.

Как известно, в настоящее время существуют два подхода к проблеме определения омонимии: исторический (В. И. Абаева)<sup>8</sup>, который вообще не выдерживает критики, и синхронный, в котором в свою очередь выделяется "широкое" и "узкое" понимание проблемы, поэтому нужны определенные правила и критерии, с помощью которых "можно отграничивать разные значения одного и того же слова от разных слов-омонимов... Совершенно правы те ангоры, которые объясняют неупорядоченность в существующих общих словарях... отсутствием достаточно строгой методики, достаточно определенной общеметодической и общетеоретической основы для того, чтобы можно было принимать однозначные решения в бесконечном количестве разнообразнейших конкретных случаев"<sup>9</sup>. О. С. Ахманова предлагает свою методику определения омонимии в противовес раскритикованному еще В. В. Виноградовым бессистемному принципу (по субъективному восприятию) отбора омонимов. Однако любая из омонимичных пар может быть установлена исключительно простой операцией – переводом слова в другую часть речи или даже образованием родственных слов. Ср. из используемого словаря омонимов О. С. Ахмановой:

агент 1. – агент 2.

*агент 1. (шпион) – агентура* при отсутствии аналогичного образования от *агент 2. (представитель)*;

аккорд 1. – аккорд 2.

*аккорд 1. (сочетание музыкальных звуков) – аккордовый* при *аккордный* от *аккорд 2.*

Аналогично в армянском:

*mart (март) – mart (битва)* при *martakan* – только *боевой*,

*ser (любовь) – ser (сливки)* при *sirekan* – только *любимый*.

Дело в том, что синхронические явления (если они не для научного диахронического описания) целесообразнее систематизировать в синхронии, хотя даже при этом несколько не отрицаются исторические корни сложившихся отношений.

В морфологии словоформа характеризуется только оппозицией на уровне парадигмы. При таком подходе становится понятным статичность традиционной системы падежей, например, в русском, армянском и немецком языках. А. А. Потевня выделил в русском творительном большое количество значений, что позволило ему сделать вывод о том, что в одном творительном падеже на самом деле объединяются несколько падежей. Но достаточно включить в анализ лексический фактор, как обнаруживается, что творительный как член синтаксической оппозиции един, а разнообразие значений его конкретных форм обусловлено контекстом (семантикой и синтаксисом управляющего слова, семантикой управляемого существительного). Так, словоформа *ножом* при глаголе *тордиться* – объект действия, при глаголе *колоть* – орудие действия. *Относиться* можно, например, *с любовью*, *воспринимать* – *с радостью*, но не *с ножом*. В немецком *mit der Axt hacken*,

<sup>8</sup> В. И. Абаев, О подаче омонимов в словаре (Вопросы языкознания, 1957, 3).

<sup>9</sup> О. С. Ахманова, Словарь омонимов русского языка, М., 1974, с. 5.

mit dem Löffel nehmen, no dem Sohn senden, vom Lehrer dicktiert werden, в которых дательный инструментальный оформляется иначе, чем дательный адресата или исполнителя действия. Иначе говоря, включение в подобный анализ двух уровней языка фактически позволяет сделать однозначный вывод.

Одна из синтаксических единиц – словосочетание характеризуется, как правило, тремя видами связи – управлением, согласованием и примыканием. По принятым правилам

*Девочка взяла ручку* – управление,

*Девочка высокая* – согласование,

*Девочка стала выше* – примыкание.

Фактически варьирование парадигмы предложения приводит к варьированию вида связи слов. Если считать, что изменение по степеням сравнения словоизменением не считается, замена вида связи во 2 и 3 примерах оказывается странным. С точки зрения синтаксической связи главенствующего слова эти трансформации объяснить невозможно. При наложении морфологической “сетки” оказывается, что синтаксическая связь обусловлена не только значением, но и формой слова. Неизменяемые слова в словосочетании примыкают, изменяемые слова – согласуются, если имеют общие грамматические признаки. Это – только имена. Например, в русском согласуются прилагательное и существительное, поскольку оба характеризуются родом, числом и падежом. В армянском же они примыкают, поскольку армянское прилагательное неизменяемое.

Изменяемые слова, не имеющие общих грамматических признаков с сочетаемой синтаксемой, связываются управлением, т.е. только определенной формой, требуемой главенствующим словом, “семантическая неполнота” которого так же не существенна, как не существенна она при согласовании. Особые случаи обязательного дополнения типа *стать высоким* так же редки, как и случаи обязательного определения: *Она имела вид гордый и достойный*. Исключения из этого правила связаны с перераспределением функций словоформ, напр., адвербиально функционирующая предложно-падежная форма существительного может и примыкать (*плагать в ногу* и т.п.).

Предлагаемое объяснение намного проще, не говоря уже о том, что оно непротиворечиво.

В принципе вся языковая система начиная с древнейших времен создания языковедческих трудов описывается в семантическом аспекте. Не говоря уже об избитых примерах отнесения слов типа *парикмахерская, мастерская, горничная* к существительным (хотя по форме они явные прилагательные), отметим, что реально индоевропейские вспомогательные глаголы, оформляющие глагольное будущее время, сами – в настоящем времени. Но даже их настоящее время воспринимается как будущее в сложных именных сказуемых:

Я буду учить. – Я буду учитель.

Ich werde lernen. – Ich werde Lehrer:

в русском и немецком. В этом плане классификация предложений типа *Дома строят – Дома строятся* не вписывается в общий контекст семантически последовательного описания. Основой отнесения этих предложений к разным типам служит форма, а включение морфологических значений составляющих это предложение словоформ позволяет классифицировать их

как варианты. Следует отметить еще один факт. Предложение в грамматике всегда определяется как однозначно выраженная мысль. Однако, если рассмотреть его с точки зрения контекста (т.е. включить в анализ еще и контекст), оно будет обладать всеми свойствами слова в рамках предложения (синонимией, омонимией, полисемией). Ср.:

*Мальчик чувствовал, что им радуются, и старался делать все так, как нравилось взрослым. Вот он повернулся к открытой двери, откуда струился теплый солнечный свет. Он осторожно вышел на улицу. Все дружно захлопали.*

*На улице слышалась стрельба. Двое, видимо раненные, тяжело стонали прямо под окном. Мать приоткрыла дверь. Во дворе было пусто. "Иди!" – сказала она шепотом. Он осторожно вышел на улицу. Было темно и страшно. Он дважды споткнулся у калитки.*

В первом случае, выражаясь терминами функциональной грамматики, выделенное предложение выражает достигаемость, во втором – необходимость, т.е. они омонимы.

Таким образом, включение как прием лингвистического исследования есть шаг вглубь природы лингвистического знака и позволяет однозначно определять любое языковое явление или факт вплоть до исключения субъективных факторов и формализации анализа. В то же время следует предположить, что любое языковое явление имеет поверхностные и глубинные характеристики.

## ՆԵՐԱՌՈՒՄԸ ՈՐՊԵՍ ԼԵՉՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅԱՆ ԵՂԱՆԱԿ

### Վ. Վ. ՍԱԴՂՅԱՆ

#### Ա մ փ ո փ ու մ

Լեզվաբանության մեջ ընդունված է լեզվի միավորները բնորոշել մի մակարդակի սահմաններում: Նման վերլուծության մեջ հարկավոր է ներառել նաև նույնարմատ բառերի, մերձիմաստ շերտերի հարաբերություններն ու փոփոխությունները, քանի որ լեզվի տարրեր միավորների հատկանիշները փոխկապակցված են: Այս դեպքում հնարավոր է լինում միանշանակ գնահատել ցանկացած լեզվական փաստ, իսկ երբեմն դրան տալ նոր բացատրություն: